

12. *Pomoshch' slepym voinam* [Help blind soldiers] // *Izvestiya shtaba XII armii* - News of Staff of XII Army. 1916, № 144; *Kursy dlya uvechennykh voinov* [Courses for mutilated soldiers] // *Nash vestnik* - Our bulletin. 1917, № 282.
13. *Izvestiya shtaba XII armii* - Proceedings of the XII Army Staff. 1916, № 151.
14. *Razyskivayutsya blizkie* [Wanted relatives] // *Armejskij vestnik* - Military Gazette. 1915.
15. *Na pomoshch' geroyam* [To help the heroes] // *Vestnik Kavkazskoj armii* - Herald of Caucasian Army. 1917, № 23.
16. *Izvestiya shtaba XII armii* - Proceedings of the XII Army Staff. 1916, № 151, 197.
17. *Vestnik Kavkazskoj armii* - Bulletin of the Caucasian Army. 1917, № 2.
18. *Devushka praporshchik* [Girl Ensign] // *Nash vestnik* - Our bulletin. 1915, № 9.
19. Ostrovsky V. *Doch' budochnika* [Daughter of policeman] // *Armejskij vestnik* - Military Gazette. 1917, № 454.
20. *Duplo filina* [Owl hollow] // *Izvestiya shtaba XII armii* - News of Staff of XII Army. 1916, № 224.
21. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 2106. Op. 1. D. 1003. Sh. 10.
22. State Archives of the Russian Federation. F. 579. Op. D. 2116. Sh. 1.
23. RGVIA. F. 2106. Op. 1 D. 1001. Sh. 482; F. 2048, Op. 1. D. 899. Sh. 100, 113.
24. *Izvestiya armejskogo komiteta 5 j armii* - Proceedings of the Army Committee of the 5th Army. 1917, № 6.
25. *Izvestiya armejskogo komiteta XI armii* - Proceedings of the Army Committee XI Army. 1917, № 25.
26. *Otkrytoe obrashchenie detej bezhentsev k soldatam 2 j armii* [Open treatment of refugee children to the soldiers 2nd Army Army] // *Armejskij golos* - Military voice. 1917, № 9.
27. *Izvestiya armejskogo komiteta XI armii* - Proceedings of the Army Committee XI Army. 1917, № 25.
28. *K momentu* [By the time] // *Izvestiya armejskogo komiteta 5 j armii* - Proceedings of the committee of 5th Army. 1917, № 48.
29. *Vojna i mir* - War and Peace. 1917, № 16, 38.
30. *Nastuplenie revolyutsionnoj armii* [The onset of the revolutionary army] // *Russkij invalid* - Russian invalid. 1917, № 143.
31. *Otgoloski nastupleniya* [Echoes of offense] // *Vestnik Rumynskogo fronta* - Bulletin of the Romanian front. 1917, № 25; *Golos soldata* - The voice of the soldier. 1917, № 58, 61.
32. *Vojna i mir* - War and Peace. 1917, № 19, 36; *Izvestiya armejskogo komiteta 5 j armii* - Proceedings of the Army Committee of the 5th Army. 1917, № 46; *Golos soldata* - The voice of the soldier. 1917, № 63.
33. *Golos soldata* - The voice of the soldier. 1917, № 77

УДК 908 Краеведение

О. Ю. Казакова

Война под стук колес: роль железных дорог в жизни прифронтовой Орловщины

Орловская губерния находилась относительно далеко от полей боев Великой войны, но была связана с ней стратегически важными железными дорогами. Благодаря им мирное течение жизни русской провинции изменилось коренным образом – война буквально приехала в нее по железной дороге. Вокзалы и железнодорожные станции стали центрами жизни прифронтовой Орловщины. Они обростали колоссальной инфраструктурой складов с продовольствием, боеприпасами и военной продукцией местных предприятий, сортировочными пунктами и госпиталями, бараками и столовыми для беженцев, новобранцев и демобилизованных, больных и пленных. Железная дорога являлась для орловских обывателей источником информации о войне, живой картинкой и мерилем ее тягот, способом реализации их патриотических порывов и одним из средств самообеспечения в условиях растущего в годы войны товарного и продовольственного дефицита.

The Oryol province was rather far from fields of fights, but it was connected with the front by strategically important railroads. Thanks to them the slow course of life of the Russian province changed radically – the war literally arrived to it by rail. Railway stations became the centers of life of towns. They acquired enormous infrastructure of warehouses with the food supplies, ammunition and military production of the local enterprises, of sorting centers and hospitals, of barracks and dining rooms for refugees, recruits and ex-serviceman, sick and prisoners of war. The railroad was for the Oryol inhabitants a source of information about this war, a true illustration and an instrument of perception of its burdens, a possibility for realization of their patriotic feelings and one of means of survival in the conditions of growing during the war goods and food deficit.

Ключевые слова: Орловская губерния, железная дорога, вокзалы, раненые, беженцы, военнопленные.

Keywords: Oryol province, railroad, stations, wounded, refugees, prisoners of war.

Железные дороги – это артерии войн прошлого века, они доставляли к линии фронта войска и боеприпасы, увозили в тыл жертв войны – раненых и беженцев. В 1914–1918 гг. военные нужды стали приоритетными для железнодорожной сети страны. Орловская губерния относилась к прифронтовой зоне и в полной мере несла нагрузку по транспортному обеспечению войны. Через губернию проходило три ветки – Риго-Орловская (от линии фронта в тыл), Орловско-Грязевская (на восток, в глубокий тыл) и Московско-Курская (со столичного севера на хлебный юг). Сеть железных дорог в регионе была вдвое плотнее, чем в среднем по Европейской части России. Тем не менее и в ней были пробелы – города Болхов, Новосиль, Малоархангельск, Трубчевск, поэтому Первая Мировая мало потревожила их провинциальный покой.

Напротив, в Орел, Брянск, Елец война приехала по «чугунке», прежде всего, в санитарных поездах. Первые раненые прибыли в Орел 20 августа 1914 г., накануне на станции развернули для них питательный пункт. Трудолюбивые «овечки» (паровозы серии ОВ) доставляли к платформам вагоны с надписями «больные», «тяжелораненые». Местные жители обступали эшелоны, заглядывали в окна и дверные проемы, чтобы поглазеть на «братьев-страдальцев», расспросить о войне. Воспитанник Орловской духовной семинарии В. Полянский вспоминал: «Я посмотрел в окно и увидел страшное, измученное лицо солдата. Мне вдруг стало стыдно своего любопытства и того, что я, полный сил и здоровья, не могу помочь этим страдальцам». К радости орловцев, раненые первых санитарных поездов лежали в хороших люльках, со свежими повязками [1].

На вокзале Брянска сложилась критическая ситуация. В день поступало по 1,5–2 тыс. раненых, которых подобрали на поле боя и без перевязок неделю везли в тыл. Раненые стонали и мучились, сбежавшаяся на станцию любопытная публика – негодовала.

Первыми на помощь раненым пришли профессиональные спасатели – пожарные. Они кормили их прямо в вагонах, выгружали на носилках на перрон, на своем транспорте перевозили в город. Вскоре инициативу перехватили общественные комитеты.

В среднем на станцию Орел прибывало 10–15 санитарных поездов в месяц, но после жестоких боев можно было ожидать 40–45 эшелонов по 400–500 человек в каждом. Обычно поезда приходили за полночь, на разгрузку давался час. Бригада врачей и санитаров сортировала раненых, а добровольцы из горожан развозили их по госпиталям. Орловское трамвайное общество переоборудовало два вагона под пять коек каждый и проложило ветку к платформе, забирая раненых прямо из вагонов.

Наиболее масштабную и активную деятельность развернул всероссийский Союз городов. В Орле он организовал распределительный госпиталь в свежестроенных у железнодорожной станции бараках. Раненых и больных приносили сюда прямо с поезда, здесь их сортировали для отправки в специальные госпитали: холерных и тифозных – в «заразный госпиталь», легкораненых – в городские больницы, офицеров и тяжелораненых снова грузили на поезд, увозивший их в глубокий тыл, в Саратов. Орловские врачи боролись за честь лечить героев войны, старались оставить себе всех пациентов, поэтому тыловые санитарные поезда часто простаивали порожняком.

Другую группу пассажиров составляли беженцы. Первая мировая война согнала с насиженных мест 5 млн человек. В губернии осело более 50 тыс. беженцев (5 тыс. – в Орле, 11 тыс. – в Ельце), еще больше проследовало транзитом. Всего за войну вокзал губернского центра повидал почти полмиллиона беженцев [2]. Первая большая беженская волна накрыла губернию летом – осенью 1915 г., ее подняло поражение русской армии на германском фронте. В ту пору через Орел проходило по 10–15 поездов в сутки.

Беженцы делились на три категории. Во-первых, чиновники и персонал эвакуированных подальше от фронта предприятий. Во-вторых, «выселенцы» – жители прифронтовой зоны, организованно отселяемые в глубь России. Среди них преобладали семьи, часто неполные, с маленькими детьми. Многие из них ненадолго задерживались на вокзале. В ожидании пересадки или «окна» в расписании военных эшелонов они, как птицы на ветках, рассаживались на рельсах запасных путей. Третья группа – «свободные беженцы», нигде и никем не утенные. Они втекали в город шумной голодной толпой в поисках крова, пищи и работы.

14 сентября 1914 г. был образован Комитет попечения о беженцах вел. княгини Татьяны Николаевны, он аккумулировал государственные деньги и частные пожертвования. Орловское отделение Татьянинского комитета открыло на вокзале врачебно-продовольственный пункт. Там беженцев раз в день кормили гречневой или пшенной кашей с салом, черным хлебом, поили сладким чаем. Дополнительно детям полагалось молоко, а больным – хлеб [3]. Союз земств и городов открыл на вокзалах губернии свои питательные пункты с обедами и кашей на ужин, в Орле за его столы садилось по 900 человек ежедневно. В Брянске кружок питания беженцев (98 горожан-волонтеров) также на вокзале подкармливал 700–800 человек в день. Но благотворители не могли накормить толпы беженцев. Орловский губернатор С. С. Андреевский пытался направить беженцев в обход губернии, плакался начальству на орловское бесхлебье и бездорожье. Местные жители в целом сочувствовали несчастным, жертвовали муку, чай и сахар, но называли «саранчой» «свободных беженцев», которые тaboraми останавливались на дорогах и в деревнях, объедали окрестные поля и сады, вырубали рощи и парки на дрова, выкашивали луга для своей скотины.

Опасность для местного населения представляло и состояние здоровья беженцев. Они ехали в поездах очень скученно, много дней, семьями. Если заболели в пути, то родственники прятали их в вагонах, таким образом распространяя тиф и холеру. Больных принудительно снимали с поезда, для их изоляции на орловском и брянском вокзалах построили «разные» бараки.

К фронту по железной дороге спешили составы с мобилизованными. Их провожали и даже сопровождали часть пути родственники, жены и невесты.

Распроклятый паровоз, куда милого повез?
Распроклятая машина, куда милого сташшыла!
Распроклятый тот вокзал, куда милого девал? – причитали они.

Сознание призывников быстро менялось, надев форму, они воспринимали себя особенными, «государственными людьми», что обернулось настоящим бедствием для придорожных сел, поселков, станций и вокзалов. По пути новобранцы выскакивали из вагонов и грабили «на дорожку» земляков. По их словам, они хотели лишь «правильных» проводов в армию – веселых и хмельных.

Дело в том, что до войны призывникам предоставлялся целый месяц праздности и гуляний. Теперь же их спешно отправляли на фронт, да еще официально ввели «сухой закон». Уже 19 июля 1914 г. самая первая партия мобилизованных из города Трубчевска численностью в тысячу человек разграбила винные лавки в четырех селах, а затем напала на транспорт с водкой. На следующий день по той же дороге гнали новую партию призывников, которая обчистила оставшиеся лавки, устроила пьяную драку и поножовщину. Власти, разобравшись в проблеме, дали новобранцам три дня на «правильные» провода.

Осенью 1915 г. из-за бюрократических проволочек ехавших на фронт мобилизованных не обеспечили питанием. Тогда они сами добыли еду в придорожных поселках. Зрелище было поистине устрашающим, когда с поездов с криками «Ура!» сыпались злые, голодные мужики и кидались к крестьянским домам. 13 сентября на станции Навля Карачевского уезда получили телеграмму от соседей: «Остерегайтесь, едут громилы!» Лавочник два дня просидел в лесу, бросив товар на разграбление. Так как пассажирам следующих эшелонов мало что досталось, они в раздражении побили стекла в домах. Осенью 1915 г. орловские станции и полустанки сильно пострадали от ратников, местное население боялось солдатских эшелонов [4].

Железнодорожные станции становились свидетелями темных сторон жизни и тыловых армейских частей. В тесном общении с местными жителями резервисты теряли дисциплину, ходили в самоволки, пьянствовали. На вокзалах они пытались сесть на проходящие поезда и уехать домой либо просто подальше от войны. Их притягивали пристанционные беженские и госпитальные бараки. Солдаты хотели женской ласки, но нравы провинциальных городов были строги. На вокзалах же собирались неприкаянные люди со всей страны, временно обитало много одиноких свободных женщин – беженок и медсестер, именно здесь солдаты находили себе компанию.

Через орловский железнодорожный узел проходил интенсивный грузовой поток – оружие, обмундирование, продовольствие, техника, топливо.

Промышленный потенциал нашего большого, близко расположенного к фронту, густонаселенного региона был невелик. Орловская губерния – глубоко аграрный край, 90% ее жителей проживало в деревне. До войны промышленность губернии занималась переработкой, привязанной к местному сельхозпроизводителю.

Орловщина имела крупный промышленный кластер в Брянске – Мальцовские железоделательный, стекольный, вагоностроительный, рельсопрокатный, механический заводы. В годы войны эти предприятия переключились на производство снарядов, гранат, вагонов, проволоки, ножниц для резки проволоки, гвоздей, колес, зарядных ящичков, повозок, мин, стекла, телефонных изоляторов, топоров, лопат, подков.

Практически не пришлось перепрофилироваться Брянскому арсеналу. До войны он снабжал артиллерию лафетами, ящичками, повозками, упряжью, теперь занялся ремонтом орудий [5].

Мелкие предприниматели (кустари) составляли большинство ремесленного населения губернии. Они также хотели участвовать в военных поставках, брались за государственные заказы, в основном, по изготовлению технологически простого снаряжения и упаковки (коробок, мешков и ящичков, упряжи и телег, инструмента для земляных и плотницких работ). Однако изготовление даже обычных предметов (повозок, подков, топоров) наталкивалось на высокие военные стандарты. Еще сложнее кустарям давалось производство боеприпасов – им не хватало навыков и оборудования. Из-за этого частники, набрав поначалу госзаказов, отказывались от них. Тем не менее их помощь фронту была весомой. Например, в 1916 г. они выковали более 150 тыс. подков (что составило, правда, лишь 10% от госзаказа), зато снарядов изготовили на 10 тыс. больше плана.

Обыватели горели желанием принести пользу фронту. Крестьяне, отправляя на запад продовольствие, не испытывали проблем с удовлетворением этого патриотического чувства. Другое дело городская публика – чиновники, интеллигенция, молодежь, а главное – дамы-домохозяйки и девицы. В Первую мировую они объединялись в комитеты, общества и кружки, брали небольшие военные заказы, связанные с недорогой ручной работой. Например, Мценский Дамский комитет изготавливал земляные мешки, Орловский Дамский комитет – противогазовые маски.

Основные характеристики военных поставок губернии – широкий ассортимент, технологическая простота и стабильность. Орловцы производили военную продукцию и в воодушевляющем 1914-м, и в полном горечи поражений 1915-м, и в уставшем от войны 1916-м, и даже в революционном 1917-м они подготовили к отправке на фронт 40 тыс. гранат, 50 тыс. лопат, 200 тыс. подков [6].

Тем не менее трудового энтузиазма наших земляков оказалось недостаточно для бесперебойного снабжения фронта. Главной проблемой тыла стала логистика: транспортный коллапс на железной дороге и «вагонный голод», то есть острая нехватка подвижного состава. Чтобы отправить на фронт произведенную продукцию, орловские власти запретили принимать грузы, а значит предприятия остались без сырья и топлива. Из-за этого заводские мощности оказались не загруженными, начал срываться план военного производства. Например, в 1915 г., получив госзаказ на пять тысяч повозок, орловцы изготовили чуть больше половины. За вторую половину 1916 – начало 1917 г. по некоторым позициям удалось выполнить менее 10% заказа, многие предприятия полностью остановились.

В годы войны губерния являлась крупным центром размещения запасных частей Московского военного округа. До войны здесь квартировали гусарские и пехотные полки – около 20 тыс. человек. В 1914 г. все они отправились сражаться. Взамен Орловщина приняла на постой запасные части и дружины государственного ополчения. Они несли караульную службу, охраняли военнопленных, правительственные учреждения и коммуникации. К 1917 г. на территории региона находилось почти 75 тыс. военных. Им отвели заводские и фабричные цеха, построили бараки. Сибирская стрелковая бригада разместилась в Орле в частных домах в Черкасской слободе, Лужках и Половце. Части, расквартированные в городских гарнизонах, как правило, комплектовались из местных жителей (ратников 2-го разряда). Они не отрывались от прежней жизни, самовольно покидали казармы, были недисциплинированными, а самое главное – совершенно не хотели отправляться на фронт. Для разлагавшихся запасников железная дорога стала злочастным местом для спекуляции военным обмундированием и алкоголем.

Таким образом, не пострадав непосредственно от Первой мировой войны, Орловский край принес ей значительные материальные и человеческие жертвы. Благодаря урожайным годам, терпению и трудолюбию обезлюдевшей от мобилизаций деревни поставки продовольствия на фронт были регулярными и обильными. Провинциальные города, не имея больших промышленных предприятий, производили кустарным способом военную продукцию с высокой долей ручного труда. Однако было бы преувеличением называть трудовые усилия орловцев времен Первой мировой героическими, сравнивать с Великой Отечественной войной. Речь идет скорее об энтузиазме, реализация которого была ограничена скромным производственным потенциалом губернии и, конечно, параличом железнодорожного сообщения.

Через губернию шли поезда с военнопленными, особенно после Брусиловского прорыва 1916 г., когда наши войска нанесли сокрушительный удар по Австро-Венгрии. Всего за войну в Россию попало 2 млн 300 тыс. пленных. Наши земляки отнеслись к пленным благожелательно, те и сами не чувствовали себя угнетенными, хотя ехали в тесноте, в товарных вагонах. Вокзальные зеваки научились различать поезда с пленными по цвету и звуку. Если из вагонов раздавались смех, песни, в окошки выглядывали улыбающиеся лица, значит прибыли чехи. Если пассажиры носили светло-серую форму и кепи с уголками, то с фронта привезли австрийцев. Наконец, мрачная тишина и злобная ругань вагонов с пленными в темной, сизого цвета форме и фуражках с узким околышем означали прибытие на станцию немцев [7]. В 1914–1915 гг. поезда с пленными проходили транзитом в Туркестан, однако в 1916 г. из-за дефицита рабочих рук часть из них привезли обратно, в Орловскую губернию.

Многочисленные военные перевозки с фронта и к нему настолько забили региональную железнодорожную сеть, что население нашей тыловой губернии начало действительно испытывать тяготы войны.

Острота экономического кризиса имеет простое человеческое измерение – доступность продуктов и товаров первой необходимости. Горожане и отчасти крестьяне давно попали в зависимость от импорта продовольствия. Когда-то Орел был крупнейшим речным перевалочным пунктом хлебной торговли между Украиной и Центральной Россией. С постройкой железной дороги во второй половине XIX в. хлебная пристань на Оке захирела. В начале XX в. хлеб прибывал в город по чугунке из Сибири, Поволжья, Предкавказья, с Юга России. К 1915 г. транспортный коллапс обернулся дефицитом почти всех продуктов питания [8]. Если с продовольствием в аграрном регионе ситуация казалась трудной, но не катастрофической, то с отоплением была беда. Большинство домов в городе имели печное отопление, в месяц только Орел потреблял 49 вагонов угля. Война принесла острейший топливный голод, цены на дрова выросли в четыре раза, люди топили заборами, мебелью, навозом, опилками, гречневой лузгой.

Не менее острым был информационный голод. Провинция жаждала новостей с фронта. Столичные газеты доставлялись в Орел по железной дороге. За час-два они раскупались горожанами. В деревне «газетный голод» ощущался сильнее. Крестьяне приходили к железнодорожному полотну выпрашивать газеты у пассажиров.

Таким образом, железные дороги стали для жителей региона главным средством связи с фронтом, свидетельством далекой войны и мерилom ее размаха и тягот. Городские вокзалы и железнодорожные станции превратились в человеческие муравейники. Только при вокзале губернского центра были построены четыре барака для раненых, бараки для беженцев, для тех и других открыты питательные пункты и «заразные» бараки. Добавим транзитных новобранцев и пленных, отпускников и демобилизованных, командировочных и дезертиров, окочалчивающихся зевак и спекулянтов. На время войны вокзалы стали настоящими центрами провинциальных городов.

На Орловском железнодорожном вокзале стоит «овечка» – тот самый знаменитый революционный паровоз ОВ. В отсутствии каких-либо мемориальных объектов он может отчасти считаться памятником Первой мировой войны.

Примечания

1. Полянский В. Воспоминания семинариста // Орловские епархиальные ведомости. 1914. № 36. С. 5.
2. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
3. Устав Всероссийского общества попечения о беженцах. Пг.: [Б.и.], 1915. 44 с.

4. Крайкин В. В. Первая Мировая война в сознании провинциальных обывателей (июль 1914 – сентябрь 1915 гг., по материалам Орловской губернии). URL: <http://statehistory.ru/2370/Pervaya-Mirovaya-voyna-v-soznanii-provintsialnykh-obyvateley--iyul-1914---sentyabr-1915-gg---po-materialam-Orlovskoy-gubernii> (дата обращения 05 апреля 2014).

5. История Брянского края. XX век / под ред. В. В. Крашенинникова. Клинцы: Изд. Клинцовской гор. тип., 2004. 320 с.

6. Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты: дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. 318 с.

7. Мусатов И. Д. Записки и воспоминания. Орел: [Б.и.], 1959. С. 15.

8. Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX века и железнодорожная статистика. М.: Алетея, 2010. 848 с.

Notes

1. V. Polyansky *Vospominaniya seminarista* [Memories of seminarian] // *Orlovskie eparkhial'nye vedomosti* - Oryol diocesan statements. 1914, № 36, p. 5.

2. Kurtsev A.N. *Bezhentsy Pervoj mirovoj v Rossii (1914–1917)* [Refugees of the 1st World war in Russia (1914-1917)] // *Voprosy istorii* - Questions of history. 1999, № 8, pp. 98-113.

3. *Ustav Vserossijskogo obshchestva popecheniya o bezhentsakh* - The Constitution of the Russian Society of care to refugees. Pg.: [BI]. 1915. 44 p.

4. Kraykin V.V. *Pervaya Mirovaya vojna v soznanii provintsial'nykh obyvatelej (iyul' 1914 – sentyabr' 1915 gg., po materialam Orlovskoj gubernii)* [First World War in the minds of the provincial inhabitants (July 1914 – September 1915., Based on materials of the Oryol province)]. Available at: <http://statehistory.ru/2370/Pervaya-Mirovaya-voyna-v-soznanii-provintsialnykh-obyvatelej-iyul-1914-sentyabr-1915-gg-po-materialam-Orlovskoy-gubernii> (date accessed 5 April 2014) (in Russ.).

5. *Istoriya Bryanskogo kraja. XX vek* [History of the Bryansk region. The twentieth century] / ed. V. V. Krasheninnikov. Klincy: Klincy town typography Publ. 2004. 320 p.

6. Bukalova S.V. *Orlovskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny: sotsial'no ehko-no-mi-cheskie, organizatsionno upravlencheskie i obshchestvenno politicheskie aspekty: dorevoljutsionnyj period: iyul' 1914 – fevral' 1917 goda: dis. ... kand. ist. nauk* [Orel province during the First World War: economic-social, organizational, administrative and socio-political aspects: pre-revolutionary period: July 1914 - February 1917: dis. Candidate hist. sci]. Orel. 2005. 318 p.

7. Musatov I. D. *Zapiski i vospominaniya* [Notes and memories]. Orel: [BI]. 1959. P. 15.

8. M.A. Davydov *Vserossijskij rynek v kontse XIX – nachale XX veka i zheleznodorozhnaya statistika* [All-Russian market in the late XIX - early XX century and the railway statistics]. Moscow: Aletheia. 2010. 848 p.

УДК 94(100) «1914/19»

А. Е. Андреев

Влияние Первой мировой войны на функционирование местных административных учреждений (на примере Тверской губернии)

Эта статья посвящена изменениям в функционировании тверских местных учреждений Министерства внутренних дел в годы Первой мировой войны. Отказ власти от реформирования местного управления после Первой русской революции способствовал углублению кризиса российской государственности. Возросшие нагрузки со стороны тыловых служб, забота о беженцах, попечение и обеспечение военнопленных, помощь действующей армии снаряжением и лечение раненых, решение вопросов размещения эвакуированных учреждений и запасных войск – все эти задачи практически одновременно должны были решаться местными учреждениями или при их активном участии. Власти не удалось найти необходимое соотношение полномочий между центральными и местными учреждениями, военными и гражданскими структурами в условиях военного времени, что стало одним из важных факторов в обострении кризиса всей системы управления Российской империи накануне Февральской революции 1917 г.